

Все эти государства, особенно Яньти, были расположены в труднодоступной местности, окружены горами и болотами.

Осенью 94 г. Бань Чао с огромной 70-тысячной армией восьми государств (Гуйцзы, Шаньшань и др.) и с 1400 китайского войска выступил против этих государств. Характерно, что армия Бань Чао сопровождалась кушцами, стремившимися сразу же вслед за сражением использовать плоды победы в торговых интересах (XХIII, 77, стр. 96). Когда войско Бань Чао прибыло к границам Вэйли, ближайшего соседа Гуйцзы, Бань Чао снарядил гонца к ванам этих трех государств, извещая их, что прибыл сам наместник, который хочет «усмирить и успокоить эти три государства; хочет, чтобы они исправили свои заблуждения и обратились к добру». «Вам следует, — приказывал Бань Чао, — послать крупного чиновника встретить его [наместника], тогда он наградит всех. Покончив с этим, он возвратится во-свояси. Теперь он дарит вану 500 штук шелка» (XХIII, 77, стр. 96).

Мы видим, что для начала Бань Чао пытается подкупом добиться подчинения ванов этих государств. Главной целью Бань Чао было обманом и подкупом захватить в свои руки всех трех ванов, после чего покорение их государств было бы нетрудным делом. С другой стороны, и ван Яньти Гуан (Колоколов, 5552), лишенный всякой помощи и поддержки извне и хорошо сознававший трудность своего положения, стремился к мирному соглашению с Бань Чао. Именно поэтому он выслал своего приближенного Бэй Цзянь-чжи с мясом и вином (т.е. с хлебом-солью) навстречу Бань Чао, рассчитывая тем самым умилостивить грозного наместника. Однако Бань Чао, приняв дары, строго-настрого приказал Бэй Цзянь-чжи, чтобы сам Гуан встретил его у границ государства Вэйли. «В противном случае, — угрожал Бань Чао, обращаясь к Бэй Цзянь-чжи, — это будет твоя вина». С этими словами он отправил Бэй Цзянь-чжи обратно.

Разъясняя свой план приближенным, предлагавшим убить Бэй Цзянь-чжи, Бань Чао сказал: «Этот человек имеет большую власть у вана. Если мы теперь, не вступив еще в его страну, убьем его, то тем самым заставим эти государства обеспокоиться. Они подготовятся к обороне и станут неприступны» (XХIII, 77, стр. 96—10а).

Желавший соглашения с Бань Чао, а также испуганный его угрозами, Гуан со своими приближенными вышел к Вэйли навстречу Бань Чао и преподнес ему драгоценные дары. Однако одновременно Гуан, хорошо зная Бань Чао и опасаясь прибытия Бань Чао в Яньти, приказал срубить тростниковый мост, ведущий в Яньти через неприступные проходы.

Несмотря на это, войско Бань Чао другим путем, с трудом пробираясь через горы и болота и преодолевая водные преграды, по пояс в воде, прибыло, наконец, в поле месяце в Яньти и расположилось лагерем среди больших болот, в 20 ли от города (XХIII, 77, стр. 10а).

Не ожидавший столь скорого прибытия Бань Чао, Гуан перенугался, собрал всех людей и решил спрятаться в горах. Бань Чао был извещен об этом одним из приближенных вана — Юань Мыном, прежде бывшим заложником в Китае. Но Бань Чао, зная о трудностях, которые встанут, если Гуан уведет своих людей в горы, и попытается заманить своих врагов в ловушку, сделал вид, что он не поверил Юаню, казнил его гонца и официально назначил день приема ванов всех трех государств и их приближенных, объявив, что одарит всех богатыми дарами.

Эта хитрость подействовала, и ван Яньти — Гуан, ван Вэйли — Фань, а также Бэй Цзянь-чжи и другие приближенные — всего 30 человек — прибыли к Бань Чао. Не явившись лишь ван Вэйсюя, высший чиновник Вэйли и еще 15 человек, которые догадываясь о замысле Бань Чао, бежали озером.

Когда все явились, Бань Чао, добившись, наконец, своей цели, приказал своим приближенным немедленно схватить их. Уничтожив ванов и оставив войска этих государств без руководства, Бань Чао напал на них и нанес им тяжелое поражение. Было убито свыше пяти тысяч, взято в плен 15 тысяч человек, захвачено свыше 300 тысяч голов скота (XХIII, 77, стр. 10б). Затем Бань Чао назначил Юань Мына ваном Яньти. «С этого момента, — говорит источник, — все 50 государств Западного

края представили заложников и изъявили покорность (там же)». Так было завершено подчинение Западного края.

Окончательное подчинение Бань Чао всего Западного края в конце 94 г. и распространение китайского влияния на запад имело огромное значение для укрепления внешнеполитических и торговых связей Китая с целым рядом государств. Не говоря уже о Средней Азии, с которой Китай и прежде имел торговые сношения, в Китай стали одно за другим приезжать посольства из Парфии, Месопотамии и других стран, «отстоящих на 40 тысяч *ли*» (XIII, 118). Есть сведения, что торговые агенты римлянина Майя Титиана как раз около 100 г. н. э. доходили до китайской крепости Ланьчжоу¹.

С другой стороны, сам Бань Чао, стремившийся к улучшению торгово-дипломатических связей с Западом, послал в 97 г. миссию во главе с Гань Ином в государство Дацинь (т. е. в Рим, о котором китайцы знали понаслышке). Правда, Гань Ин, вследствие коварства парфянеких купцов, заинтересованных в посреднической торговле между Римом и Китаем и отговоривших его путешествовать морем, так и не достиг Рима, но дошел все же довольно далеко на запад (до Персидского залива) и принес много ценных сведений.

Оживление торговых связей по Великому шелковому пути и рост числа иностранных посольств в Китае в конце I в. н. э. свидетельствуют о возросшем международном значении Китайской империи — одного из крупнейших государств той эпохи и тем самым опровергают миф о замкнутости Китая.

Л. С. Васильев

ЭПИГРАММА ЛУКИАНА (Anth. Pal., XI, 212) — КАК АНТИРЕЛИГИОЗНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ

«Богам Греции, — писал К. Марк², — однажды уже трагически раненным на смерть в „Прикованном Прометее“ Эсхила, пришлось еще раз комически умереть в „Разговорах“³ Лукиана».

Великий сатирик был непримиримым врагом религиозных и всяких иных суеверий, о чем свидетельствует все его творчество. Острая антихристианская сатира «О смерти Перегринна», «Собрание богов», «Любитель лжи, или Невер», а также многие места других крупных произведений Лукиана убеждают нас в этом.

Среди этих широко известных творений незамеченной оставалась нижеследующая эпиграмма Anth. Pal., XI, 212 — небольшая, но острая сатира, направленная против одного из египетских божеств — Анубиса.

.....
 ἀλλὰ σὺ προφέρεις τέκνιον ἀλλότριον,
 τὴν προτομὴν αὐτῷ περιθεῖς κυνός. ὥστε με κάμνειν
 πῶς μοι Ζωπυρίων ἐξ Ἑκάβης γέγονεν.
 Καὶ πέρας ἐξ δραχμῶν Ἐρασίστρατος ὁ κρεοπώλης
 ἐκ τῶν Ἰσικίων υἱὸν Ἄνουβιν ἔχω.

¹ Fr. Teggart, Rome and China, 1939, стр. 144; Al. Hermann, Leu-lan, China, Indien und Rom im Lichte der Ausgrabungen am Lobnor, Lpz, 1931, стр. 157.

² К. Марк, К критике гегелевской философии права, К. Марк и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 389.

³ Марк имеет в виду «Разговоры богов».

Ты обещал, что сделаешь изображение сына,
 Но ты приносишь чужеземного мальчика,
 Напялив на него морду собаки так, что мне больно подумать,
 Как это мой Зопирион родился от Гекубы?
 Так я, Эрасистрат, торговец мясом, купил наконец
 За шесть драхм Анубиса — сына из святилищ Исиды [у жрецов Исиды]

Несколько слов о толковании эпиграммы в прошлом.

Еще на рубеже XVIII — XIX вв. Фр. Якобс, составитель первого, хорошо комментированного издания греческой антологии (Лейпциг, 1794 — 1814), извлек эту эпиграмму из рукописи и следующим образом восстановил первую утраченную строку ее:

[Τεχνίον εὐμορφον, Διόδωρε, γράφειν ἐκέλευσα]

[Filiolum formosum, Diodore, pingere te iussi],

т. е. «Я велел, чтобы ты, Дниодор, нарисовал красивого сынишку». Сам Якобс полагает, что эпиграмма — всего лишь жалоба торговца мясом Эрасистрата на художника, который так нарисовал (слову γράφειν оригинала соответствует латинское pingere) его сына Зопириона, что получились Анубис, а не Зопирион¹. В связи с этим дается и заголовок эпиграммы «Εἰς ζωγράφου» («На художников»), который, как увидим ниже, отводит сатиру Луккиана в сторону от ее прямого объекта — Анубиса.

Прилагательное ἀλλότριον (асс.) во второй строке эпиграммы звучит в латинском переводе как alienus «чужой». Анубис, по словам Якобса, взят им из святилищ Исиды (ex Isidis sacellis), где повсюду видны изображения этого бога.

Почему же эпиграмма связывает Зопириона именно с Анубисом? Якобс не объясняет этого, так как считает эпиграмму сатирой на художников. Антирелигиозная направленность эпиграммы XI, 212 осталась им незамеченной.

Издатели Палатинской антологии Дюбнер и Куньи, приводя эту же эпиграмму и перевод ее, также показали себя сторонниками интерпретации Якобса².

Известный исследователь Луккиана Диндорф в своем издании произведений писателя³ дает (в латинском переводе) несколько иную реконструкцию первой, утраченной строки эпиграммы:

Pollicitus fili te facturum simulacrum,

т. е. «Ты обещал, что сделаешь изображение сына» — обращение скорее к скульптору, чем к живописцу. Глагол facio, взятый здесь вместо pingo Якобса, прямо указывает на скульптора. Прилагательное ἀλλότριον из второй строки эпиграммы в латинском переводе звучит как alienigenum «чужой», скорее в смысле «чужеземный», что вполне возможно для эпохи II в. н. э., эпохи распространения в странах греко-римского мира различных чужеземных, в частности египетских, религиозных культов.

В последней строке эпиграммы слова ἐκ τῶν Ἱσιδίων⁴ переданы по латыни ex Isidiis, причем последнее слово — с большой буквы, как и в оригинале. Они могут быть переведены: «Из храма Исиды» или «От жрецов Исиды».

Однако и Диндорф умалчивает об антирелигиозной направленности эпиграммы. Между тем эпиграмма XI, 212 представляет собой прямую сатиру на египетского бога

¹ «Epigrammatum Anthologia Palatina», ed. Dübner et Cougny, т. II, P., 1888, стр. 378 (в примечаниях).

² См. там же.

³ «Luciani Samosatensis opera», P., 1884 (в одном томе).

⁴ Рукописное чтение Ἱσιδίων представляет, вероятно, стяженную форму от Ἱσιδίων. Τὰ Ἱσεῖα или τὰ Ἱσιδῖα — храм или праздник Исиды.

Анубиса. Это вполне возможно еще и потому, что эпиграмма — не единственное произведение Луккиана, где Анубис изображен сатирически. В диалоге «Продажа жизней»¹ Сократ клянется собакой, а на вопрос удивленного покупателя отвечает: «Что ты! Ты не веришь, что собака — бог? А ты разве не видишь, в каком почете Анубис в Египте?» В «Зевсе трагическом»² Анубис и другие языческие боги, по мнению Луккиана, представляют ценность только потому, что сделаны целиком из золота. Еще одно свидетельство религиозного скептицизма Луккиана по отношению к тому же Анубису имеется в произведении «Разговоры в царстве мертвых» (№ 13, Диоген и Александр)³. И, наконец, в «Собрании богов» писатель, устами Мома, так характеризует Анубиса: «Ты же, египтянин, с собачьей мордой, завернутый в пеленки, — кто ты таков, милейший, и как можешь ты, лающий, считать себя богом?»⁴. Попутно достается и Апису и другим чудовищным египетским богам.

«Заставить улыбнуться над богом Аписом, — говорил Герцен⁵, — значит расстричь его из священного сана в простые быки». Луккиан в эпиграмме сделал то же с Анубисом. Насмешливым отношением к изображению мальчика, сына Эрасистрата, в виде Анубиса (такое изображение должно было означать, что умерший сын Эрасистрата находится под покровительством этого бога) Луккиан еще раз развенчивает Анубиса, а одновременно затрагивает и Изиду, с культом которой был тесно связан культ Анубиса, и Гекубу. Чрезвычайно показательно в эпиграмме смешение мифологических представлений о Гекубе⁶ и ее превращении в собаку с пережитками тотемистических представлений египетской религии.

Итак, несомненно, что Луккиан, великий сатирик и атеист, выступил здесь прежде всего против культа Анубиса и других восточных божеств. Обращение к художнику, которое мы можем признать как вероятное, поскольку первая строка эпиграммы не сохранилась, — лишь повод для прямой антирелигиозной сатиры, вполне закономерной для писателя, который высмеивал «поклонников Юпитера не меньше, чем поклонников Христа»⁷.

Ю. Ф. Шульц

ИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ОДНОГО ВОСТОЧНО-РИМСКОГО ГОРОДА

(Некрополь киликийского города Корика)

Историками поздней Римской империи твердо установлен тот факт, что по своей экономике восточная половина империи (впоследствии — Восточная Римская империя и Византия) стояла значительно выше, нежели западные ее провинции. В сельском хозяйстве восточных областей римского государства это превосходство выражалось

¹ Луккиан, Собр. соч., М., 1935, т. I, стр. 382 сл.

² Там же, т. I, стр. 473 сл.

³ Там же, стр. 606.

⁴ Там же, стр. 501.

⁵ А. И. Герцен, Полное собр. соч. и писем, 1919, т. IX, стр. 119.

⁶ См. о Гекубе: Еврипид, Гекуба; Плавт, Менехмы, 714; Овидий, Метаморфозы, XIII, 667—670. Луккиан о Гекубе см.: «Сновидение, или петух», 517; «О жертвоприношениях», 2.

⁷ Ф. Энгельс, К истории раннего христианства, К Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 610.